

КРИТИКА И БИБЛИОГРАФИЯ

РЕЦЕНЗИИ

Б. Т. ГОРЯНОВ. ПОЗДНЕВИЗАНТИЙСКИЙ ФЕОДАЛИЗМ

М. — Л., 1962, 502 стр.

Монография Б. Т. Горянова посвящена характеристике поздневизантийского феодализма, теме, над которой автор работал в течение долгого времени¹. Поздневизантийский феодализм рассматривается в работе как полный расцвет феодальных отношений в Византии. В этом, думается, никто не мог бы возразить автору. Однако основная мысль монографии, которая прямо или косвенно проводится самым последовательным образом, сводится к признанию поздневизантийского феодализма застойным, остановившимся в развитии; мало того, автор утверждает, что в Византии не складывались новые производственные отношения. С этим вряд ли кто-нибудь из византинистов может согласиться. Автор подробно аргументирует свои положения о характере византийских феодальных институтов и народных движениях XIV в.; мы остановимся на них подробнее.

Монография начинается введением, которое вызывает некоторое недоумение. Мы ожидали бы от такого крупного ученого общего источниковедческого обзора, тем более что в последнее время появились различные исследования о подлинности и хронологии актов. Мы ожидали бы оценки существующих теорий о характере поздневизантийского феодализма. Кроме того, необходимо было бы показать, каковы итоги развития византийского феодализма к началу XIII в.

Монография начинается *ex abrupto* — с анализа основ общественно-политического устройства Латинской империи. Такое расположение материала имело бы смысл, если бы автор считал общественные институты Латинской империи определяющими в развитии поздневизантийского феодализма, но автор далек от такого мнения. Анализируя далее поздневизантийский феодализм и народные движения, автор полностью игнорирует материалы, относящиеся к местностям, находившимся под властью иноземных феодалов, и сосредоточивает внимание исключительно на областях, бывших под властью императора или греческих феодалов. Однако характерным признаком византийской феодальной раздробленности было именно то обстоятельство, что ряд чисто греческих по населению областей находился под владычеством иноземных феодалов. Отрывать историю развития этих местностей от истории Византии и византийского феодализма XIV в. совершенно неправомерно. Кроме того, в результате такого отрыва первая глава о Латинской империи XIII в. выглядит каким-то привеском к труду; в ходе дальнейшего изложения не раскрывается, какое отношение имели общественные порядки Латинской империи для истории Византии в целом, какую они играли роль в системе феодальной раздробленности страны.

Обычно в марксистской литературе анализ внутреннего строя начинается с выяснения состояния производительных сил. Но о производительных силах автор говорит только в третьем разделе шестой главы «Состояние производительных сил и ремесла» (стр. 246—252).

Во второй главе автор рассматривает образование и структуру Никейской империи, Эпира и восставление Византии в 1261 г.

В третьей главе приступает к центральной части своего исследования — рассмотрению крупного феодального землевладения, затем переходит к характеристике им-

¹ См. его статьи: «Византийское крестьянство при Палеологах» (ВВ, III, 1950), «Крупное феодальное землевладение в Византии XIII — XV вв.» (ВВ, X, 1956), «Поздневизантийский иммунитет» (ВВ, XI, 1956 и XII, 1957), «Поздневизантийский город» (ВВ, XIII, 1958), «К вопросу об общественно-политическом строе Латинской империи» (ВВ, XIV, 1958).

мунитета, после чего следуют главы, посвященные крестьянству и городу. Монография завершается исследованием восстания зилотов. Таков план книги. Монография носит критический характер. Опираясь в основном фактическим материалом, издавна введенным в литературу, автор выдвигает свою концепцию и решительно критикует противоположные точки зрения. Мы не станем в данной рецензии разбирать главу за главой рассматриваемой монографии, но остановимся на основных моментах концепции автора.

Как мы уже говорили, Б. Т. Горянов исходит из представления об органической застойности византийского феодализма. В частности, он считает, что Византия вплоть до конца своего существования не вышла из стадии феодальной раздробленности. В общем и целом это верно. Однако вряд ли можно согласиться с автором в том, что в византийском обществе полностью отсутствовали те тенденции общественного развития, которые были характерны для многих других стран в период феодализма, например тенденции к национальной консолидации, установлению сословной монархии, а затем и абсолютизма. Автор слишком прямолинейно усматривает только два возможных исхода развития феодализма в Византии: или же «штурм феодальной системы в целом», или же полная застойность. Такая точка зрения, по нашему мнению, не может правильно объяснить характер общественных движений и политических тенденций в Византии XIV — XV вв.

Всякие попытки историков искать объяснения некоторых событий в закономерном переходе от феодальной раздробленности к более прогрессивной фазе феодализма автор считает «мертворожденной схемой», шаблонным втискиванием народного движения и политики Византии в стандартные исторические формулы (стр. 338).

Чтобы доказать тезис о застойности византийского феодализма, автор проводит повсеместно в монографии мысль о полной монолитности класса феодалов. Автор не видит противоречий между отдельными прослойками феодалов. Такая концепция затрудняет анализ сущности гражданских войн в Византии и отдельных политических мероприятий императоров (например, Ласкарей). Это стремление отрицать какую бы то ни было борьбу в недрах господствующего класса приводит к тому, что автор не замечает даже противоречий между проиарским и монастырским землевладением, хотя эти противоречия достаточно полно отражены в литературе (см., например, G. O s t r o g o r s k y. Pour l'histoire de la féodalité byzantine. Bruxelles, 1954, p. 155 sq.).

В центре исследования Б. Т. Горянова находится проблема феодального землевладения. При трактовке этой проблемы автор допускает известный схематизм и абсолютизирует роль феодального землевладения в общественном развитии. Проявлением этого абсолютизирования является, например, положение о том, что внеэкономическое принуждение может возникнуть *только* как следствие феодальной собственности (стр. 10). Но разве в результате завоевания не создается иногда земельная собственность знати? Разве не внеэкономическими являются насилия чиновников? А произвол судебных властей? А действия монахов, которые «внеэкономическим» запугиванием аدم добиваются превращения свободного человека в зависимого, частного землевладения в феодальное? А действия правительства, которое свободную общину передает в проиоу феодалу? К этому добавим еще страшный налоговый гнет, происхождение которого нужно видеть не в земельной собственности, а в суверенитете государства.

Автор разделяет (стр. 234) теорию об отсутствии в Византии частного землевладения вообще. По нашему мнению, Византия, напротив, была классической страной частной собственности. Мы уже неоднократно высказывались по этому поводу. Ни в кодексе Юстиниана, ни в Василиках нет положения о том, что государство или василевс является верховным собственником всей земли. Наоборот, есть сколько угодно противоположений государственной и частной земли. Недопустимо смешивать суверенитет с собственностью.

Признавая первенствующую роль института собственности в общественном развитии, автор в то же время явно недооценивает роль действующего права (стр. 9) и полностью игнорирует юридические источники того времени (Василики, особенно «Шестикинижие» Арменопола, которое, что очень важно, составлено было в тогдашнем центре товарных отношений — Фессалонике, притом лицом, связанным с движением зилотов). Автор, видимо, не учитывает, что действующее право есть выраженная в законодательстве воля господствующего класса, который требует соблюдения тех норм, которые ему выгодны. Игнорирование действующего права приводит к тому, что византийская феодальная собственность в изображении автора теряет свою специфику. Поскольку вопросы права автором не рассматриваются и не признаются существующими, остается неясным, как понимает автор некоторые описываемые им правоотношения, например, неясно, подразумевается ли под «сдачей в аренду» (стр. 128) и соглашение на определенный срок или же оброчное держание зависимых крестьян.

В полном соответствии со своим представлением о собственности на землю как единственной основе всякого гнета автор выдвигает свою теорию проиоу. В основе проиоу, по его мнению, лежит пожалование земельного участка в собственность, которое одновременно или в дальнейшем влекло за собой право сбора налогов с населения

(стр. 133). Автор не учитывает множества документов, приводимых в новейших исследованиях, которые вполне ясно показывают, что сбор налогов нередко предшествовал или не был соединен с пожалованием в собственность или владение территории.

Следовало бы разобрать аргументы, приводимые А. П. Кажданом в ряде его работ, обратить внимание на сводку различных теорий и их обоснование, данную Г. Г. Литавриным в его книге «Болгария и Византия в XI — XII вв.» (М., 1960, стр. 144).

Большое внимание автор уделяет институту экскуссии, который он полностью уподобляет западному иммунитету. В основном автор не расходится с положением советской историографии, считая иммунитет орудием внеэкономического принуждения и закабаления крестьянства. Но Б. Т. Горянов абсолютизирует значение экскуссии: согласно его концепции, именно экскуссия превращала крупных землевладельцев в привилегированную аристократию. Это утверждение связано с представлением о монолитности господствующего класса того времени. Следуя такой концепции, нельзя объяснить появление в недрах аристократии прослойки, заинтересованной не в иммунитетах, а в создании сильного центрального правительства. Ведь если могущество Кантакузина покоилось именно на иммунитете, то люди типа Алексея Апокавка свое влияние и силу основывали на системе откупов, предоставляемых государством, на использовании мощи государственного аппарата. Тезис Б. Т. Горянова о связи иммунитета главным образом с пронией опять-таки является попыткой представить господствующий класс в Византии совершенно монолитным. Тезис этот недостаточно убедительно аргументирован. Даже из приводимых автором грамот не следует, что иммунитет даровался только прониарам. Автор допускает передержки. В частности, он считает (стр. 133), что пожалование Драгону является пронией. Из документа этого не следует (*Actes de Chilandar*, ed. L. Petit. BB, XVII, 1911, № 96). Расширенно понимается дарственная, данная Гервасию (*ibid.*, № 46, стр. 116—117). При этом не учитывается, что в грамотах этих имеется обязательство *βαλτιον ποιότητα*.

Приводимый автором акт 1293 г. в действительности является поздней подделкой. Хрисовул Андроника II, о котором говорится на стр. 100, был дан не в 1299 г., а в ноябре 1318 г. Очень жаль, что автор не учел статьи А. П. Каждана «Экскуссия и экскусаты в Византии» в «Византийских очерках» (М., 1961), где помещен ценный разбор грамот первого и второго этапов византийского иммунитета (по периодизации Б. Т. Горянова).

По вопросу о судебных привилегиях автор не учел ряда документальных свидетельств, которые уже рассмотрены в литературе. На стр. 158 он отвергает наличие судебных прав у церкви и монастырей в XI в. Однако каким образом в таком случае можно объяснить приведенное Ф. Успенским соборное постановление 1071 г., согласно которому лица, арендовавшие землю у церкви, должны были по делам, связанным с пользованием церковной землей, обращаться не в светский, а в церковный суд? Следовательно, право суда было в руках церкви задолго до оформления иммунитета. Необходимо было бы разобрать и мнение М. М. Фрейденберга, который, между прочим, связывал получение судебного иммунитета с формой монастырского самоуправления. Монастыри «аутодеспота», по его мнению, если они получали возможность иметь зависимых крестьян, получали право суда над ними, поскольку в такие монастыри виновники не допускались (см. М. М. Фрейденберг. Экскуссия в Византии XI — XII вв. — УЗ Великодулукского пед. ин-та, вып. 3, 1958, стр. 343).

Автор в целом прав, говоря о полновластии землевладельца над зависимым населением поместья. Однако в его аргументации имеются неточности. Так, автор утверждает, что иммунитет имел особый аппарат в поместьях, аналогичный государственному, и что эти должностные лица поместья назывались *οικοδέσποται τῆς προνομίας* (стр. 181). Но из контекста документа, на который ссылается автор (ММ, IV, р. 81), следует, что имеются в виду крестьяне-домохозяева, члены самоуправления общины, а не чиновники помещика.

Касааясь характера крестьянской собственности, автор излагает старинную полемику иеромонаха Михаила и Панченко относительно прав париков распоряжаться своим наделом. Касааясь разбирательства прав париков Гунаропулов на некий земельный надел, Б. Т. Горянов полностью становится на позиции иеромонаха Михаила. Нужно сказать, что дело Гунаропулов не может быть особенно показательным, так как спорным был статус этой семьи. Автор бегло касается различных категорий византийского крестьянства. Он совершенно справедливо связывает каждую категорию с особенностями уплаты феодальной ренты. Однако проблема о категориях зависимого и свободного крестьянства нуждается еще в специальном исследовании с учетом времени и специфики местности, а также в свете действовавшего права. Остаются неясными также некоторые вопросы, относящиеся к взаимоотношениям париков и землевладельцев. Могли, например, *bona fide* прониар согнать парика с его участка? Действовал ли закон Анастасия, который содержится не в кодексе Юстиниана, а в Василиках? Необходимо учесть, что отношения прониара к парикам и их участкам не могут быть такими же, как у землевладельца на праве полной частной собственности (*dominium plenum*).

Однако Б. Т. Горянов, исходя из представления о монолитности класса феодалов, вовсе не ставит вопроса о различии в правомочиях разных категорий землевладельцев по отношению к парикам.

Перейдем к рассмотрению концепции Б. Т. Горянова о поздневизантийском городе. Основная идея автора сводится к утверждению об отсутствии в Византии элементов раннекапиталистического развития. Поздневизантийский город, по мнению автора, находился в состоянии упадка, торговля и ремесло были сосредоточены в основном в руках итальянского купечества. Но в то же время автор признает, что Константинополь до середины XV в. оставался крупнейшим торговым центром. Книга сыграла бы, если бы автор привлек к рассмотрению недавно изданную торговую книгу Бадозера, содержащую ценный материал для характеристик торгового значения Константинополя в начале XV в. Автор справедливо пишет о резком сокращении населения византийских городов XIV — XV вв., что явилось прежде всего результатом опустошительных войн. Автор, однако, не принимает в расчет пригороды, в которых в средние века жило многочисленное население. Хотя Б. Т. Горянову хорошо известно письмо Хрисолора Иоанну Палеологу, он не использовал этот источник для характеристики пригородов. Между тем в письме содержится красочное описание пригородов Константинополя, по красоте зданий не уступавших Константинополю и охватывавших огромный район на европейском и азиатском берегах пролива. Можно полагать, что население города стремилось в пригороды, на которые не распространялись привилегии, предоставляемые иностранному купечеству. Однако пригороды были незащищены перед лицом внешнего врага. Если Хрисолор рисует цветущие пригороды столицы в начале XV в., когда население пользовалось относительным миром, то несколько позднее все было сметено во время первой осады Константинополя турками в 1422 г.

Византийский город, по мнению автора, находился полностью во власти феодалов. Однако это положение не раскрывается на конкретном материале. Автор не показал, каким образом осуществлялась экономическая и политическая власть феодалов над городом. Хотелось бы видеть в монографии детальный разбор важных документов о привилегиях горожанам Монемвасии, однако об этих привилегиях лишь вскользь упоминается. Вслед за Тафрала автор говорит о новой и старой городской знати, не выясняя вовсе экономической сущности этих прослоек знати (стр. 270). Остается невыясненным, были ли в Византии города, входившие в состав наследственной собственности какого-либо феодала, как на Западе. Не показано, как управлялись города, как был организован в феодальном городе суд, по каким законам судили. Удивительно, что автор не использовал ценный материал, содержащийся в докладе Е. Кирстена на XI Международном конгрессе византистов², хотя в обзоре литературы автор упоминает об этом труде. Совершенно непонятно, почему Б. Т. Горянов считает нецелесообразным для историка пользоваться археологическим, эпиграфическим и нумизматическим материалом при анализе состояния производительных сил (см. стр. 252).

В целом глава о городе в силу отсутствия новых материалов и оценки новых точек зрения представляется в значительной мере устаревшей.

Монография завершается главой о восстании в Фессалонике. Значительно упрощенное и схематизированное представление автора о характере поздневизантийского феодализма не позволило ему глубоко проникнуть в смысл гражданских войн в Византии XIV в., в частности войны 1341—1349 гг. Поскольку автор рассматривает феодальную знать монолитной, лишенной внутренних противоречий, поскольку считает ремесленно-торговые круги совершенно бессильными и не игравшими сколько-нибудь значительной роли в общественном развитии, все политические движения он объясняет соответственно только антагонистическими, а не внутриклассовыми противоречиями, что, на наш взгляд, значительно упрощает сложные события в Фессалонике.

Абсолютизируя роль антагонистических противоречий, автор не учитывает конкретных требований времени, которые заключались в необходимости борьбы с феодальной раздробленностью, проявлявшейся в слабости центрального правительства и полновласти феодалов в поместьях. Борьба против феодалов за укрепление центрального правительства была объективно в интересах и народных масс, и городов, точнее, той прослойки городской знати, которая обращалась к предпринимательству. Если Кантакузин представлял собой феодала-иммуниста, то его противник Апокавк, наоборот, свое преуспевание связывал с мощью центрального аппарата. В руках Апокавки были государственные солеварни (τὼν δημόσιων ἁλῶν ἑφορὰς), Кантакузин подчеркивал его низкое происхождение.

Бесспорно, народным массам не сладко жилось бы и в восстановленной сильной централизованной Византии, но борьба за восстановление сильной власти была исторически прогрессивна, так как феодальная раздробленность и своеволие иммунистов на местах затрудняли создание единого внутреннего рынка и вместе с тем тормозили развитие производительных сил. Засилье и своеволие феодалов живо ощущались

² E. K i r s t e n. Die byzantinische Stadt.— «Berichte zum XI. Internationalen Byzantinisten-Kongress». München, 1958.

населением. Этим и объясняется, на наш взгляд, то обстоятельство, что крестьяне и горожане поддерживали «законное» правительство Анны Савойской (вернее, Апокавка и патриарха Иоанна XIV), боровшихся против вождя феодалов — Кантакузина. Это содействие широких масс вполне закономерно. Характеризуя борьбу королевской власти против феодалов Запада, Ф. Энгельс писал: «Все революционные элементы, которые образовывались под поверхностью феодализма, тяготели к королевской власти, точно так же, как королевская власть тяготела к ним»³.

Автор не усматривает связей между событиями в Фессалонике и гражданской войной 1342—1349 гг. Говоря об экономике Фессалоники, он не делает необходимых выводов об особой заинтересованности этого города в укреплении единства империи — необходимого условия успешного развития частной собственности и оживленного товарного обращения. Между тем не случайно, что именно в Фессалонике и именно во время гражданской войны знаменитый юрист Арменопул создал свое «Шестиникжие», пропагандирующее частную собственность и товарное производство в рамках единой империи. Автор не интересуется связями зилотов с Алексеем Апокавком. Между тем разве Апокавк не имел подобных же связей с моряками, как и Михаил и Андрей Палеологи? Разве не было совместных военных действий Апокавка с фессалоникийским ополчением?

Далее Б. Т. Горянов исключает всякую возможность участия в движении зилотов части состоятельных кругов Фессалоники. В этой связи даже не упоминается о деятельности митрополита Фессалоники Иакинфа, наиболее последовательно проводившего в Фессалонике политику константинопольского патриарха Иоанна XIV.

Автор справедливо критикует (вместе с Вернером) точку зрения, будто восстание в Фессалонике — это движение типа выступлений масс в итальянских городах. Тем не менее, на наш взгляд, нельзя полностью отвергать возможность какого бы то ни было влияния итальянских событий на Византию, поскольку итальянские купцы были постоянными посетителями Византии. Характеризуя движение в Фессалонике в целом, автор отрицает какие-либо политические мотивы восстания и рассматривает его как «штурм феодализма» в целом. В итоге Б. Т. Горянов приходит к выводу (см. стр. 339), что выступление зилотов вовсе не было городским движением, а скорее напоминает крестьянскую войну, наподобие восстания Ивайла. Восстание в Фессалонике настолько отличалось от выступления Ивайла, что говорить об их сходстве — значит просто дискредитировать советскую науку.

Далее автор утверждает, будто зилоты боролись за полную независимость города от центрального правительства. Но действительно ли это так? Были ли противоречия между зилотами и константинопольским правительством и патриархом вплоть до захвата Константинополя в начале 1347 г.? Думается, подобных противоречий не было.

Автор не затрагивает связей зилотов с богомилами, хотя из некоторых фактов явствует, что богомилы стремились использовать в своих целях движение зилотов. В то же время руководители зилотов, желая показать, что движение ничего общего не имеет с богомилством, выдвинули своим знаменем крест, столь ненавидимый богомилами. Попытка Б. Т. Горянова доказать, что на все духовные должности назначали зилоты, неправомерна: и Макарий и Иакинф были назначены митрополитами Фессалоники патриархом Иоанном XIV из числа своих сторонников. Если же Фессалоника не приняла Паламу, то потому, что не признавала нового патриарха, равно как и собор 1347 г.

Очень много бездоказательных утверждений содержится в разделе о «социальных реформах» зилотов. Версия о широких реформах покоится на трактате Кавасилы, причем текст трактата иногда приводится в искаженном виде. Так, глава 6 трактата содержит оправдание архонтов (зилотов?), пытающихся объяснить, почему они тратят монастырские средства на войско и тем нарушают волю завещателей. По Кавасиле, архонты рассуждают так: если на монастырские средства обычно содержат бедняков, священников, если их тратят на украшение храмов, если на эти средства производят ремонт и обработку полей, то ведь этим не нарушается воля завещателей; так почему же нельзя из этих средств кормить солдат, которые охраняют святыни, законы и стены?

Перевод Б. Т. Горяновым данного места трактата изобилует неточностями. В качестве примера рассмотрим перевод конца главы 6 трактата Кавасилы (I. Sevcenko. *Anti-Zealot. DOP*, XI, 1957, p. 93) (греческая цитата в прим. 162 дана неправильно): «Разве мы совершаем несправедливость, если мы приказываем на эти деньги поправить крышу, поднять качающийся дом, охранять поля и собственность, кормить земледельца, хлебопека, строителя?» (стр. 355—356).

В оригинале не так: «Разве не позволительно из священных средств кормить раба, земледельца, хлебопека, строителя? Если (разрешается кормить) этих, то почему же тем более нельзя (кормить) тех (т. е. воинов)?».

Б. Т. Горянов придает исключительное значение убийствам знати, перешедшей на сторону Кантакузина в Фессалонике. Но почему бы не вспомнить о подобной же рас-

³ Ф. Энгельс. О разложении феодализма и возникновении национальных государств. — К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч., т. 21, стр. 411.

праве, происшедшей в Константинополе? Ведь и в Константинополе после убийства Апокавка против друзей Кантакузина был возбужден народ. Ведь и в Константинополе Зефретис из челяди Апокавка возбудил народные массы, причем тоже во главе народных масс стали моряки, поскольку они очень были (как сообщает Кантакузин) привязаны к Апокавку (Johanni Cantacuzeni Historiarum libri IV, vol. III. Воннае, 1832, 88, р. 545). Народ перебил укрывшихся в храме знатных сторонников Кантакузина. Точно нельзя определить число убитых, их было очень много, пишет Кантакузин.

Мы не имеем возможности в краткой рецензии слово за словом вносить свои соображения и исправления. В целом же необходимо отметить, что рассматриваемый раздел монографии содержит немало ответственных тезисов и заявлений, недостаточно подкрепленных источниками и даже вовсе не аргументированных. Так, ничем не аргументировано утверждение, будто зилоты приступили к уничтожению феодальной собственности на землю, ко всеобщей конфискации имущества знати и монастырей и т. д. (стр. 375). (А как же Метохит и его сторонники?)

Падение Фессалоники Б. Т. Горянов объясняет тем, что движение зилотов настолько испугало господствующий класс, что состоялось добровольное примирение Иоанна V и Кантакузина. Это неверно. Никакого добровольного примирения не было. Кантакузин, опираясь на туруков, победил. После того, как победа Кантакузина стала несомненной, чему содействовали некоторые его демагогические мероприятия, положение зилотов оказалось безнадежным и бывшие враги Кантакузина — Метохит, Арменопул и др. — признали совершившийся в Константинополе переворот. В выяснении причин поражения движения Б. Т. Горянов явно недооценивает роль вооруженной интервенции. Нам кажется, что именно интервенция явилась основной причиной неудачи прогрессивных сил в гражданской войне 1342—1347 гг. Мы знаем, что не раз в истории прогрессивные движения подавлялись интервенцией.

Мы не согласны с результативными выводами автора. Согласно его концепции, острая борьба, которую вели между собой феодалы и эксплуатируемые классы, закончилась совместной гибелью борющихся классов, последовавшей спустя немногим более столетия после поражения зилотов. Это слишком прямолинейная оценка результатов поражения зилотов, отличающаяся схематизмом. Она несправедлива уже a priori. Ведь известно, что острая борьба классов, характерная для других стран, далеко не всегда приводила к гибели обеих борющихся группировок. По нашему мнению, попытка провести борьбу против феодальной раздробленности, усилить центральное правительство не удалась в основном из-за той международной обстановки, в которой находилась Византия в XIV — XV вв.

Автор в своей монографии привел стройную систему своей концепции, которую мы не разделяем. Он высказал много интересных соображений и выводов, которые нам не кажутся убедительными. Мы должны также с сожалением отметить странное для такого маститого ученого, как Б. Т. Горянов, нежелание отказываться от некоторых старых взглядов, давно уже опровергнутых наукой. Так, на стр. 162 Б. Т. Горянов повторяет свою прежнюю точку зрения (см. ВВ, XI, 1956, стр. 198) относительно того, что аэрикон — это подушная подать. Но ведь о характере этой подати имеется большая, хорошо известная автору литература, в которой аэрикон трактуется как судебный сбор. Кроме того, достаточно взглянуть на § 126 и 129 Вазелонских актов, чтобы убедиться, что аэрикон ни в коей мере не является «подушной податью». Далее автор настаивает на толковании термина «эпики» как «свободное население», между тем по вопросу о значении этого термина также имеется значительная литература, в которой точно установлено, что «эпик» употребляется в источниках для обозначения не только свободного, но также и зависимого населения (см. особенно типик монастыря Космосотиры, № 98).

Иногда автор не приводит точек зрения новейших исследователей по отдельным вопросам, даже если они расходятся с утвердившимися положениями. Так, на стр. 115 автор, согласно традиционному представлению, утверждает, что стратиотские участки появились не позже VII в. Следовало бы или совсем не затрагивать этого не относящегося к теме вопроса, или же упомянуть о мнении Лемерля на этот счет.

В работе нередки противоречия. Например, на стр. 80—81 непонятно, признает ли автор наличие протекционизма в Никейском государстве или нет. С одной стороны, он утверждает, что соответствующее сообщение Григоры нельзя принимать без критики, но тут же признает мероприятия никейских императоров ранним проявлением духа протекционизма.

Далее, на стр. 82 автор, с одной стороны, выступает против западных историков, восхваляющих деятельность Ватаци, утверждая, что вся деятельность этого императора сводилась к строительству крепостей и монастырей! Но несколько далее автор говорит о стремлении Ватаци ограничить влияние знати и о большом значении его строительной деятельности.

На стр. 33 мы читаем: «о времени Латинской империи феодальные держания давно

уже переходили по наследству». Но на стр. 99, 153 и 190 содержатся противоположные утверждения, смысл которых состоит в том, что феодальные держания стали наследственными только при Палеологах. Встречаются и иного рода неточности и недоразумения.

Вряд ли возможно для описания быта поздневизантийского города использовать материал из гомилии Иоанна Златоуста, как это делает Б. Т. Горняков (стр. 258). На стр. 108 сообщается, что по Я. А. Маняндяну модий равняется $\frac{1}{4}$ десятины. Но в указанной статье (см. ВВ, II, 1948) Маняндян изучал модий только как меру веса, а не площади.

Интерпретация некоторых источников автором вызывает недоумение. Приведу пример. На стр. 103 автор пишет: «В 1272 г. Николай Малиасин по хрисовулу Михаила VIII получил во владение земли монастыря *Макринитиссы*. Насколько обширны были эти владения, видно из того, что они находились в нескольких местностях... В 1274 г. это пожалование Николаю Малиасину и его жене Анне было подтверждено другим хрисовулом Михаила VIII... эти земли передаются как наследственные владения... Подобное же пожалование другому представителю этой фамилии (курсив везде наш. — М. С.), Иосафу Мелиссину, отмечается в хрисовуле Михаила VIII в 1274 г.» (стр. 104). Но в источниках мы читаем несколько иное: в хрисовуле от мая 1272 г. Михаил VIII по просьбе наследственного ктитора монастыря Макринитиссы Николая Малиасиана подтверждает за монастырем права на его владения и жалует освобождение от всех налогов кроме кастроктисии и катергоктисии. Подтверждается и наследственное ктиторство Малиасиана над монастырем. В хрисовуле от 1274 г. Михаил VIII соответственно подтвердил владения основанной женой Малиасиана Анной женского монастыря Неа-Петра вместе со всеми угодьями, которые купил для монастыря Малиасиан. В хрисовуле постановляется, что после смерти супругов монастыри перейдут под ктиторство их сына Иоанна. Никакого «другого» представителя этой фамилии Иосафа Малиасиана не было. Это монашеское имя Николая Малиасиана. Оба супруга приняли монашество: Николай стал Иосафом, Анна — Анфусой. В этом можно легко убедиться, просматривая акты монастыря в издании Миклошича-Мюллера. К тому же утверждение, что документ Иосафу Малиасиану относится к 1274 г., тоже неверно, год хрисовула неизвестен, можно только приблизительно определить хронологические рамки его издания: позже 1274 и ранее 1282 года.

Существенным недостатком рецензируемой книги является то, что автор не учитывает проведенную в последнее время византистами серьезную источниковедческую работу. В частности, хотя в библиографии автор и указывает Регесты императорских документов Ф. Дэльгера, однако нигде фактически не пользуется данными этих Регест. Этим и объясняется, например, то, что, как мы уже указывали, автор оперировал данными хрисовула, будто бы изданного в 1293 г., но в действительности являющегося подделкой XIV в. На стр. 133 автор, ссылаясь на хрисовул 1319 г. Андроника II domestiку феми Константину Макрину, допускал целый ряд ошибок: 1) хрисовул издан не Андроником II, а Андроником III; 2) не domestiку феми — такой должности не было, — а domestiку (западных) фем; 3) не в 1319 году, а 1334 (поскольку Макрин был domestiком фем с 1333 по 1338 г.).

На стр. 101 говорится, что Андроник II пожаловал некоему Михаилу Ангию владение (со ссылкой на ММ, 24). Но, во-первых, документ относится не ко времени Андроника II, а Михаила VIII Палеолога, во-вторых, пожаловано владение не Михаилу Ангию, а Михаилу Ангелу — об этом имеется исследование у Дэльгера (*Chronologisches und prosopographisches zur byzantinischen Geschichte des 13. Jh.*, — ВЗ, 27, S. 317, Anm. 3) и у Острогорского (*Pour l'histoire de la féodalité*, p. 83—84, n. 1, 2).

Прекрасное издание Андрэ Гийю документов Меникейского монастыря⁴ автором не использовано, он приводит неоднократно акты этого монастыря, но в старом издании Миклошича-Мюллера. На стр. 170 приводится ссылка на постановление 1184 г. относительно семьи Скордилов. Это постановление имеет обширнейшую литературу, игнорировать которую для понимания этого постановления и для выяснения подлинности документа невозможно. Это невнимание автора к источниковедческим изысканиям является одной из главных погрешностей монографии.

В монографии много ошибок и неточностей в транскрипции собственных имен. Приведем некоторые примеры: стр. 104 — Мелиссин вместо Малиасиан; стр. 102, 107 — несколько раз Офурна вместо Сфурна (также и в указателе); стр. 123 — дважды Меохтит вместо Метохит; стр. 124 — Варбан вместо Вардан; стр. 231 — Мампиде вместо Мамипоне; стр. 274 — Врахн вместо Вранц; стр. 237 — Герники вместо Геники. Наряду с этим в транскрипции некоторых других названий нет унификации. Так, встречаются Серес и Серры; стр. 184 — монокейский, стр. 187 — менокейский и стр. 200 — меникейский.

Много неправильных и неточных ссылок на источники. На стр. 398 прим. 26, 27, 28 ссылки на ММ, IV, стр. 89, 107, 109 неправильны. Невразумительны ссылки на трак-

⁴ A. Guillo u. Les archives de Saint Jean-Prodrome sur le mont Ménécée. Paris, 1955.

тат Кавасилы. Автор ссылается на трактат по изданию И. Шевченко «стр. 92 и сл.», причем фактически не дает указания на цитату. Так, на стр. 437 прим. 162, 163, 164, 167 непоятны и проверить их по источнику затруднительно. Прим. 164 следует дать: «там же, стр. 99, § 20, 5», а не «там же» (т. е. стр. 92). Нельзя цитировать, как на стр. 419, прим. 100: *Naṁpenoruli. Hexabiblon. 2,4*. Проверить такую цитату трудно; следует: 2, 4, 43. Также нельзя цитировать *Basilica*, 58, 11 (стр. 419, прим. 102); следует 58, 11, 10.

Имеются произвольные переводы. Так, на стр. 237 *ἐν τῇ χώρᾳ ἡμῶν* (ММ, IV, 265) — «в нашей деревне» — переводится как на нашей земле (ср. *ἀπὸ τῆς χώρας τοῦ Γενικοῦ ὁρίσμενοι*).

На стр. 102 нельзя слова *δικαίφ τε οἰκείφ καὶ δικαίφ παροίκων* перевести «облегчен правом суда в своих владениях и суда над своими париками». В документе говорится, что Сиргари выступает за свои права и права своих париков.

Очень невнимательно составлена библиография. Почему в число источников попали труды Безобразова, Вернера, Шевченко (1953 г.)? статья Франчеса (впрочем, она помещена и в разделе «Использованная литература»)?

В итоге нашего рассмотрения книги Б. Т. Горянова необходимо отметить, что, безусловно, в целом книга представляет собой труд, который прокладывает дорогу к изучению сложной проблемы сущности поздневизантийского феодализма. Мы можем не соглашаться с определенными положениями и концепцией в целом, но нужно иметь в виду, что проблема поздневизантийского феодализма во всей полноте впервые поставлена в марксистской литературе Б. Т. Горяновым, и в этом его заслуга.

М. Я. Суюмов

Г. Л. КУРБАТОВ. РАННЕВИЗАНТИЙСКИЙ ГОРОД (АНТИОХИЯ В IV в.)

Л., 1962, 286 стр.

Монография Г. Л. Курбатова в основном построена на внимательном изучении речей и писем ритора Либания и гомилий Иоанна Златоуста. Эти источники дают возможность показать с достаточной полнотой, что представлял собой город Антиохия в IV в. Разумеется, Антиохия имела свою специфику, но тем не менее по материалам Антиохии можно судить об общих чертах, присущих ранневизантийскому городу. Г. Л. Курбатов показал это в интересной, блестящей широкими обобщениями, глубоким анализом источников, широкой эрудицией и критическим отношением к имеющейся зарубежной литературе по данной теме монографии.

Основная цель труда Курбатова — проследить на примере Антиохии ломку рабовладельческого города-землевладельца в позднеримской империи на последнем этапе существования рабовладельческого общества.

Первая глава посвящена эволюции аграрных отношений ранневизантийского города. Свое исследование автор начинает с изучения эволюции форм земельной собственности и хозяйственной жизни сельской округи Антиохии в IV в. Он отмечает, что природные условия прилегающих к Антиохии земель не способствовали организации плантационного хозяйства типа латифундий, и приходит к выводу, подтвержденному археологическими изысканиями, что крупные землевладельцы имели не большие поместья, а множество мелких. Наличие оливковых рощ, которые требовали кратковременного интенсивного труда сезонного характера, делало там труд рабов невыгодным и привело к использованию наемных работников мистиев-операриев.

Г. Л. Курбатов считает, что вокруг Антиохии существовало два типа свободных крестьянских поселений: деревни, основанные на праве общинной собственности на землю, и коллективы частных собственников. Однако вопрос об общинной собственности запутан из-за стремления автора во что бы то ни стало видеть общинную собственность там, где ее не было. Если крестьянин мог продавать, завещать, дарить, закладывать свой участок (стр. 31), то какие же права имела община на этот участок? Если учесть к тому же, что этими участками были в основном виноградники, оливковые рощи, сады, то предположить наличие общинной собственности на такие хозяйственные участки весьма трудно. Гораздо проще допустить, что общинная собственность была уже давно пройденным этапом, что община являлась собственником только неподделенных участков и в основном представляла собой не землевладельца, а аппарат самоуправления.

Главное положение, к которому приходит автор, заключается в следующем: мелкая земельная собственность в IV в. не укреплялась, как полагают некоторые зарубежные исследователи, особенно на основании археологических материалов, а, скорее, поглощалась крупным землевладением, причем этот процесс сопровождался не обезземеливанием, а закабалением мелкого собственника (стр. 53—55). Археологические данные, по мнению автора, не могли отмечать этот процесс, поскольку внутренний уклад хозяйственной жизни деревни не менялся.

Много внимания Г. Л. Курбатов уделяет проблеме патроната. Однако автор только мимоходом останавливается на вопросе о том, каким образом патрон становился